

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ.

КРИТИКЪ-ИНТУИТЬ.

№ 1.

АПОЛОГИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛЖИ.

«Единственная безупречная форма лжи — это
ложь ради лжи, а высшей стадіей этого дарованья
является ложь во искусство».

О. УАЙЛЬДЪ.

«БѢСЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО и «БѢСЫ»
М. ГОРЬКАГО.

«Неоспоримо и несомнѣно: Достоевскій—геній, но это — злой геній лишь... Нужно ли это ужасное представление? Дувъренъ, что нѣтъ—оно вредно. Это «представление» — авторъ сомнительнаго эстетически и безусловно вреднаго социальнаго.

(Изъ письма М. Горькаго въ «Русское Слово» отъ 22/ix 18).

«Мы потушимъ генія въ младенчествѣ: Необходимо лишь необходимо—вотъ девизъ всего нашего отсталъ.

(«Бѣсы»)

Въ этой стѣбѣ я, конечно, не собираюсь защищать Ф. М. Достоевскаго отъ «неоспоримыхъ и несомнѣнныхъ» нападокъ Горькаго. Это было бы бесполезно и ничемно—геній Достоевскаго не нуждается въ защитѣ противъ «социальныхъ» доводовъ автора этого позорнаго письма.

Но слѣдуетъ сказать честно и открыто, что имя Достоевскаго, подобно именамъ Тютчева, Вл. Соловьева, Лѣскова, приемлется лишь наружно изъ обществъ, жаждущемъ, по словамъ Горькаго, «живаго дѣла», «дружнаго единенія умовъ и воли». Поглощенное стремленіемъ къ единообразному, все регулирующему Коллективу, лишенное мистическихъ крыльевъ, можетъ ли оно услышать «глазъ вѣнончаго въ пустынь», опустошеннымъ сердцемъ повѣрять Невечернему Свѣту?

Пророческій, экстазическій характеръ творчества Достоевскаго доходитъ въ «Бѣсахъ» до высшей точки напряженія; этотъ романъ и разговоръ Ивана Карамазова съ чертомъ являются послѣдней вершиной человѣческихъ мукъ передъ входами въ Невѣстное. Лишь вступленная любовь къ Россіи могла породить эти кошмарныя, незабываемыя страницы. Но увидѣть въ нихъ только садизмъ, только преднамѣренно созданныя и нарочито сгруппированныя страданія могла лишь узкая, закисѣлая въ обывачий души, сѣрый духъ будничнаго, тѣсно земнаго, подобно Свидригайлову представляющей себя Вѣчность деревенской низенькой банькой съ пауками по угламъ.

Письмо Горькаго слѣдуетъ и привѣтствовать—еще лишній разъ утилитаризмъ сбрасываетъ свою маску и являетъ передъ нами свой угреватый, пошлый, дявольскій ликъ. Это открытая война противъ Искусства и Религіи, Красоты и Мистики, противъ постылыхъ «высшихъ запросовъ». Долой Искусство—во всѣхъ этихъ безплодныхъ мечтателяхъ, Гамлетовъ, Донъ-Кихотовъ, обильнѣющую прелесть ритмичной рѣчи! И для большаго обогащенія мысли Горькій добавляетъ, что «Логовь только тогда здоровъ и дѣтеленъ, когда его волю и воображеніе направляетъ европеецъ Пушкинъ». Это

слово «европеецъ» увѣнчиваетъ аданіе—оно тотъ «жувель и металлъ», которые должны окончательно раздвинуть ненашистыхъ «мѣщанъ». И кажется, что въ данномъ случаѣ Горькій походитъ на «европейца».—Лопаря, нарядившагося изъ ниджакъ, вѣнончаго водку и щеголюющаго русскими ругательствами. Ему, пѣвцу «социальной полезности», удалось проглядѣть всю громадную духовную культуру Запада. Изъ за Марсельезы онъ не услышалъ Рамо, Бетховена и Вагнера, изъ за Эрфуртской программы пропустилъ западную поэзію, изъ за аллободневныхъ иллюстрацій въ газетахъ не увидѣлъ Леонардо и Микель—Анджело. Оторванный отъ родины, окруженный хоромъ полюбившихъ и узкомыслящихъ партійныхъ фанатиковъ, онъ увидѣлъ лицо Россіи въ отраженіи гигантскаго криваго зеркала, оскопленнаго и придуреннаго мышленія.

Патетически восклицаетъ онъ: «Видъ вѣ насъ горитъ не одно звѣрное и жульническое!» Конечно, да,—и мучительный, титаническій талантъ Достоевскаго строитъ лѣстницу въ божественныя просины—просвѣтленіемъ величаваго образа Зосимы, мальчишкой надъ могалкой Илюшечки. Достоевскій, по словамъ Горькаго, «изумительно глубоко почувствовалъ, понялъ, съ наслажденіемъ изобразилъ двѣ болѣзни, воспитанныя въ русскомъ человѣкѣ его урода въ исторіи, тяжелой и обидной жизнью»—садизмъ и мазохизмъ. Послѣднею болѣзью, несомнѣнно, тяжелой и непалечею болезнью самъ Горьскій. Она, эта гнойная, ежеминутно растравляемая рана, и заставляетъ видѣть его лишь уродство въ исторіи роднаго народа, лишь «хаотическое прошлое» и съ такимъ ложнымъ пафосомъ сожалѣть о томъ, что Русь такъ долго жила «подъ гнетомъ церковнаго и богословскаго воспитанія» Народная душа всегда жила и живетъ неумирающей, пламенной вѣрой, мистической надеждой на иной, невидимый, свѣтлый Градь—это радость, подобная пасхальному звону, живая, нетонущая, горящая, какъ огоньки безчисленныхъ свѣчей въ темнѣющихъ храмахъ народнаго сердца. Думать, что лозунгами «социальнаго здоровья», «живаго дѣла» можно замѣнить народу его «храмъ воздыханья и печали», однимъ взмахомъ пера сдать въ архивъ его, богатую словомъ и дѣломъ, великолѣпную исторію заодно съ Достоевскимъ—по крайней мѣрѣ навивно. Но для Горькаго закрыта душа роднаго народа—примкнувъ къ людямъ, у которыхъ, «запасено готовыхъ мыслей какъ дровъ на зиму», онъ гѣщаетъ намъ о хулиганствѣ, объ «озерѣ яда»—водки, о нашей дѣлбости, сводя къ осеяемому, ежедневному вѣбъ творческие порывы, всѣ муки духа, всѣ его думы о Вѣчности и Богѣ.

Въ самомъ, протестѣ Горькаго, кромѣ того, скрыта еще одна громадная несообразность—колоссальная увѣренность въ убѣдительности

театра и безвилья книги. Предположим, что Художественный Театр, на самом деле отказавшись от неурядицей Горькому постановки „убогого представления“, Думается, что тогда следовало бы пойти дальше и устроить торжественное „ауто-да-фе“ „ненавистных, больных“ нянгь великаго пророка и богоискателя. Но не легко справиться съ гениемъ «неоспоримо злымъ». Достоевскій, какъ никто, воспринялъ завѣтъ Пушкинскаго «Пророка»:

«Глаголомъ жгъ и сердца людей!»

Пламень его изступленных, неумирающихъ созданий не дано затухнуть смертному.

Горькій, протестуя противъ «Вѣсовъ», не видитъ, какъ бѣсы поплости и суеты овладѣли его душой. Это они заставили крикаться передъ нимъ искаженные рожи и увѣрили его, въ «уродливомъ прошломъ» Россіи, «больномъ, садическомъ» творчествѣ Достоевскаго. Смарной, сѣрой скукой и творческимъ безвильемъ вѣдетъ отъ его письма. И когда бѣсы, мелкіе, запечалые, сумерочные бѣсенята толкаютъ его къ наложениу пути на свободное творчество, къ олеванію алмазовъ короны русскаго творческаго духа, хочется къ нему же примѣнить слова этого недостойнаго и позорнаго письма: «Очень искаженная душа и любоваться въ ней нечѣмъ».

КЕЛЕЙНИКЪ.

Саб. 5 октября 13.

„POUR ÉPATER LES BOURGEOIS“.

Но настанетъ мигъ — я вѣдаю —
Побѣдятъ мои друзья,
И надъ жалкой ихъ побѣдою
Засмѣюсь первымъ я.

Такъ писалъ когда то В. Брюсовъ, а семь лѣтъ спустя, критикъ «Вѣсовъ», цитируя стихи поэта говоритъ: «побѣда декадентовъ въ сомнѣніи... настало время тѣмъ изъ нихъ, кто сохранилъ смѣлость взгляда и готовность на новую борьбу — горько смѣяться!» И тотъ же критикъ утверждаетъ дальше, что декадентство умираетъ, переживъ предѣльный возрастъ для жизни всякой литературной школы, но, умирая ждѣтъ, чтобъ передать «свой скипетръ въ міръ искусства новой, преемственно съ ней связанной группѣ художниковъ».

Изъ номера въ номеръ «Вѣсы», послѣдній русскій декадентскій журналъ, съ той искренностью, которая отличаетъ все значительное въ области мысли, повторяли о декадентѣ декадента, о началѣ конца. Антонъ Крайній на примѣръ писалъ въ 1907 году, что декадентство даже не умерло, а «смилось, оборвядлось» и на мѣстѣ прежичаго подполья образовалась «грязная лужа, въ которой барахтаются почти все художники и писатели». И если тогда слова Антона Крайняго могли казаться оспоримыми, то теперь справедливость ихъ стала очевидной.

Въ отъединенности подполья подъ «лакейскій свистъ толпы» и господствующей критики декаденты, окруженные новыми видѣніями, паисомы отчужденности и борьбы, были создательнымъ, вдохновеннымъ теченіемъ. И быть можетъ такъ и должно было случиться, что художественный вкусъ побѣдилъ безвкусицу догматической литературы и что цитадель послѣдней пала подъ натискомъ побѣдителей. Такъ должно было случиться и такъ по видимости и случилось. Но только по видимости, ибо въ дѣйствительности старыя застрѣльщици журнализма сдѣлавъ необходимыя уступки «новымъ вѣяніемъ» или по просту говоря требованіямъ рынка, остались на своихъ мѣстахъ и ограничились только приобретеніемъ необходимыхъ атрибутовъ моднаго костюма. Оплоть журнализма остался несокрушимымъ и инвентарикъ распространялся по преимуществу на пришельцовъ — побѣдителей. Такъ «оборвался» модернизмъ и расплылся по враждебнымъ еще недавно журналамъ; стерлись грани между группой бывшихъ литературныхъ новаторовъ и протестантовъ и господствующей литературной мыслью; меркнвалъ образецъ и духъ профессионализма подавивъ былую самобытность новыхъ художниковъ и большинство изъ нихъ облачилось въ старческаго и поношенныя хламиды русскаго журнализма. «Торжество побѣдителей» стало «жалкимъ» торжествомъ побѣжденныхъ. Подполье смѣнилось болотою журналистики въ которомъ какъ всегда смѣшиваются «святыя имена съ рыбными костями, творчество съ плагиатомъ, экстазъ съ расчетомъ».

Наступила эпоха великаго смятенія, создавшая столькожъ фальсификаторовъ хорошаго вкуса и новой художественной правды. И въ этомъ смятеніи, когда апологеты чистаго искусства печатаются въ «Аргусѣ» и «Огонькѣ» и иллюстрируются бульварными художниками, хочется снова возврата въ подполье и предпочитаешь «лакейскій свистъ толпы» ея признанію приведемую подъ маркой хорошаго вкуса къ литературной проституціи.

И въ бездушной пустотѣ литературной современности изъ новаго подполья раздается оглушительный вопль эго-футуристовъ: «é; atez les bourgeois! Мы не вѣрнемъ, конечно, «квадратнымъ словамъ» Гнѣдовыхъ, не видимъ смысла въ «Развороченныхъ черепахъ» и «Засахаре Кры», однако далекие отъ желанія обвинять Гнѣдовыхъ въ «идіотизмѣ» и «шарлатанствѣ» убѣждены, что и они сами не всегда вѣрять въ творческій характеръ своихъ измысленій. Но для того, чтобы нарушить спокойное существованіе современной литературы, всколыхнуть это стоячее болото необходимо видно, обухомъ ударить по головѣ, нужно «é; atez les bourgeois», нужны «квадратныя слова» Гнѣдовыхъ. Все просто оригинальное, самобытное и талантливое — не только безразлично, но